

УДК 94(430)
ББК 63.3(4Гем)6-8
М48

Мельников, Даниил Ефимович.

М48 Гитлер — преступник №1. Нацистский режим и его фюрер / Даниил Мельников, Людмила Черная. — Москва : Родина, 2023. — 432 с.

ISBN 978-5-00222-047-2

Кем был Гитлер: гениальным вождем, обычным тираном, сумасшедшим недоучкой? Кто виноват в преступлениях нацизма и разгроме Третьего рейха: сами немцы или их любимый фюрер? Какое влияние на принципы построения и функционирования тоталитарного государства оказали личные особенности и характер бедного художника Адольфа?

Ответы на эти вопросы в одной из лучших биографий Гитлера, написанной признанными экспертами по нацистской Германии: историком-германистом Даниилом Ефимовичем Меламидом (псевдоним Д. Мельников) и известным переводчиком и публицистом Людмилой Борисовной Черной. Эмоциональность и драматизм книге придает личный авторский опыт участия в борьбе с фашизмом.

«Куда вела дорога, по которой шел Гитлер? К храму? Нет, к застенку, к всемирному концлагерю!!!»

УДК 94(430)
ББК 63.3(4Гем)6-8

ISBN 978-5-00222-047-2

© Мельников Д.Е., 2023
© Черная Л.Б., 2023
© ООО «Издательство Родина», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Глава I. У истоков нацизма	9
Глава II. Партия нацистов: тактика, политика, идеология	57
Глава III. Нацисты приходят к власти	102
Глава IV. Строительство «Третьего рейха»	155
Глава V. Анатомия полицейского государства	213
Глава VI. Навстречу мировой войне	239
Глава VII. В борьбе за мировое господство	299
Глава VIII. Дорога в могилу	346
Глава IX. Финал	379
Заключение	417
Примечания	422

ПРЕДИСЛОВИЕ

Немеркнущий подвиг советских воинов и миллионов тружеников в тылу навсегда останется в памяти народов не только нашей страны, но и всего миролюбивого человечества, для которого эта победа означала спасение мировой цивилизации от самой страшной опасности, когда-либо ей угрожавшей.

Победа над гитлеровским фашизмом — одна из тех исторических вех, которые определили лицо современной эпохи, развитие на многие десятилетия вперед. Эта победа привела к освобождению десятков стран от гнета и порабощения. Изменилось лицо планеты. Возникла мировая социалистическая система. Укрепились силы мира во всем мире.

Да, есть страницы истории, которые нельзя забывать в наш быстротекущий, стремительный век. К ним, безусловно, принадлежат страницы, вписанные советским народом в летопись борьбы с врагом человечества — немецким фашизмом.

Но память народов не мертвый груз воспоминаний о прошлом, не бесстрастная хроника событий. Смысл исторической памяти — в извлечении уроков из пережитого, в стремлении к тому, чтобы сделать невозможным катастрофы, обрушивавшиеся на человечество в течение многих столетий.

Знаменитый американский философ Сантаяна писал: «Народ, который не помнит своего прошлого, обречен вновь его пережить». Это высказывание надо отнести не только к народу, испытывшему двенадцатилетнюю нацистскую тиранию, но и к народам, пережившим немецкую оккупацию, потерявшим своих сыновей и дочерей на полях сражений второй мировой войны. Осмыслить прошлое хотят и те, кто сами были его свидетелями, и новые поколения людей, которые ощущают настоятельную необходимость извлечь выводы из недавней истории.

Задача настоящей книги напомнить об опасности для миллионов людей, которая таилась в победе нацизма в 1933 году, в

утверждении его власти над одним из самых могущественных государств в центре Европы и в создании специфического механизма террора и гигантской военной машины, направленной на достижение мирового господства.

Исследуя германский фашизм с его планами гегемонизма, нельзя пройти мимо зловещей фигуры, которая как бы персонафицировала все его качества — необузданность, жестокость, авантюризм, агрессивность, мимо фюрера и канцлера «коричневой империи» Адольфа Гитлера. Гитлер был поистине преступником номер один.

Принцип фюрерства был неотъемлемой частью фашистской теории и практики, ибо германский монополистический капитал стремился выдвинуть на передний план некоего идола, кумира, который помог бы ему сплотить и подчинить себе широкие массы одураченных и одурманенных обывателей. Фанатическое преклонение перед Гитлером помогло немецким империалистам добиться осуществления своих главных целей — утвердить господство над немецким народом и перейти к агрессии против других народов Европы, да и не только Европы.

При анализе нацистского режима в Германии, его генезиса и относительной живучести бросается в глаза парадоксальное явление: неограниченная власть оказалась в руках кучки авантюристов, представлявших, как правило, отбросы буржуазного общества. К этой кучке принадлежал и Адольф Гитлер, фюрер «третьего рейха».

Парадокс этот всеми силами стараются скрыть буржуазные историки и публицисты, выпустившие десятки и сотни монографий о нацизме и о Гитлере. Вместо того чтобы исследовать вопрос о том, каким образом в XX веке в буржуазном обществе стало возможным создание нацистского режима, вопрос о том, какие силы выдвинули и поддержали Гитлера и сумели развязать фантазмагорию массового человекоистребления, фантазмагорию концлагерей, геноцида и кровавых побоищ, они пытаются поставить на котурны фюрера и его сообщников, обнаружить в них такие демонические, гипнотические, трансцендентные силы, которые объяснили бы и даже оправдали их власть над германским народом.

Феномен Гитлера в первую очередь явление социальное и политическое, связанное с глубоким кризисом того общества, которому он служил. Пороки фашизма и его фюрера были пороками этого общества, иначе они не могли бы приобрести столь всеобъемлющую социальную значимость. Именно в специфической социальной и политической атмосфере Западной Европы тридцатых годов стал возможен захват власти фашистами в Германии.

ГЛАВА I. У истоков НАЦИЗМА

Линц, Вена, Мюнхен

Политическая биография Гитлера, о которой пойдет речь на страницах этой книги, началась поздно. Первые сведения о его выступлениях относятся к 1919 году, когда ему было уже 30 лет, заговорили о нем более или менее широко лишь после путча 1923 года, т. е. на 35 году жизни. Для историка соблазнительно поэтому вовсе отвлечься от начального периода биографии Гитлера и заняться только ее последними двадцатью двумя годами, которые, в свою очередь, резко делятся на два этапа: 10 лет относятся к периоду его постепенного возвышения и овладения им командными позициями в национал-социалистской партии, а 12 лет к периоду господства в «третьей империи», когда Гитлер стал абсолютным диктатором.

Сверх того, историк, занимающийся нацистским фюрером в начале его карьеры, наталкивается на специфические трудности. Кроме официальных бумаг, в которых упоминаются имена членов семьи Гитлера и его самого, кроме нескольких скудных, записанных много позже воспоминаний, кроме мемуаров некоего Кубичека, недолгого приятеля Гитлера, вышедших в свет уже после 1945 года, и некоторых отрывочных записей людей такого же сомнительного типа, у исследователя почти нет материала. Правда, Гитлер нередко рассказывал о своей молодости в «Майн кампф» и в «Застольных беседах»,¹ и просто в беседах со своими приближенными. Но его воспоминания могут служить разве только иллюстрацией того, как он приукрашивал свою жизнь, подгонял прошлое к тому образу «сильной личности», «гения», «мудрого фюрера», который был создан им самим и его пропагандой. Это как бы спроецированная в прошлое жизнь, «модель фюрера немецкой нации», каким он должен был предстать в глазах населения «третьего рейха».

Для исследователя именно в заурядности облика Гитлера в первые тридцать лет скрывается одно важное обстоятельство:

жизнь Гитлера, его личные качества не могут служить объяснением его политической карьеры, как это пытаются изобразить, особенно в последние годы, на Западе. Феномен Гитлера не феномен личности, а феномен политический и социальный. Можно сказать, феномен машинно-бездушный, жестокой западной цивилизации, но уж никак не феномен индивидуальности.

При таком подходе начальный период биографии нацистского фюрера приобретает известное значение, и пренебрегать им исследователь не имеет права. На первый план выдвигается вопрос о том, каким образом политические и социальные процессы, а также идеологические доктрины того периода и той среды, в которой рос молодой Гитлер, воздействовали на формирование личности будущего диктатора. Развитию каких черт характера они содействовали и какие психологические свойства вызывали.

Тем самым становление личности Гитлера тесно переплетается с явными и подспудными тенденциями социального развития страны, в которой он родился, класса или прослойки, к которой принадлежал, рода, семьи и непосредственного окружения, воздействовавших на его воспитание. Именно об этом в основном и пойдет речь ниже.

* * *

Гитлер родился 20 апреля 1889 года. После 1933 года, когда фашисты захватили власть в Германии, 20 апреля, «день рождения фюрера», стал официальным праздником для миллионов немцев «третьего рейха» и сотен тысяч приверженцев фашизма в других странах. Но в то 20 апреля ничего не предвещало будущих триумфов Гитлера. Городишко Браунау, где появился на свет фюрер Германии, находится в пограничном районе Австрии на реке Инн, которая отделяет Австрию от Баварии. И хотя до австрийской столицы Вены было рукой подать — всего каких-нибудь 80 километров, — лесистые места эти считались глухоманью. И населял их полусельский, полугородской люд — мужчины либо занимались ремеслом, либо уходили на заработки в более крупные и богатые города. Молодые женщины также нередко покидали отчий кров — они поступали горничными, поварихами, а кому повезло, и экономками в богатые семьи Линца,

Граца или Вены. Ну, а потом, заработав себе на приданое, возвращались и выходили замуж. В этих бедных, стиснутых горами местечках нередко были браки между родственниками, иногда довольно близкими. На них смотрели сквозь пальцы, так же как и на внебрачных детей, в чем мы убедимся, познакомившись с родословной Гитлера.

Родословную эту проследили чуть ли не с XV века. Однако в «генеалогическом древе» семьи Гитлеров есть и «белые пятна».

До тридцатидевятилетнего возраста отец Гитлера Алоис носил фамилию Шикльгрубер, фамилию матери. В тридцатых годах этот факт обнаружили венские журналисты, и по сию пору он обсуждается на страницах монографий о нацистской Германии и о Гитлере. Талантливый американский историк и публицист Вильям Ширер, написавший книгу «Взлет и падение третьего рейха», полуиронически уверяет, что не измени Алоис свою фамилию Шикльгрубер на Гитлер, его сыну Адольфу не пришлось бы стать фюрером, ибо в отличие от фамилии Гитлер, которая своим звучанием напоминает «древнегерманские саги и Вагнера», фамилия Шикльгрубер труднопроизносима и для немецкого уха звучит даже несколько юмористически. «Известно, — пишет Ширер, — что слова «Хайль Гитлер!» стали в Германии официальным приветствием. Более того, немцы произносили «Хайль Гитлер!» буквально на каждом шагу. Невозможно поверить, что они без конца кричали бы «Хайль Шикльгрубер!», «Хайль Шикльгрубер!»

Алоис Шикльгрубер, отец Адольфа Гитлера, был усыновлен Георгом Гидлером, мужем его матери Марии Анны Шикльгрубер. Однако между замужеством Марии Анны и усыновлением Алоиса прошло ни мало ни много тридцать четыре года. Когда сорокасемилетняя Мария Анна вышла замуж за Георга, у нее уже был пятилетний внебрачный сын Алоис, отец будущего нацистского диктатора. И ни Георгу, ни его жене не пришло в голову в ту пору узаконить ребенка. Четыре года спустя Мария Анна умерла, а Георг Гидлер покинул родные места. Все дальнейшее известно нам в двух версиях. По одной — Георг Гитлер (теперь он уже почему-то превратился из Гидлера в Гитлера) вернулся в родной городок и в присутствии нотариуса и трех свидетелей заявил, что Алоис Шикльгрубер, сын его покойной жены Анны Марии, фактически является и его, Гитлера, сыном. По другой — к нотариусу с той же

целью отправились трое родственников Георга Гитлера. Согласно этой версии, самого Георга Гитлера к тому времени уже давно не было в живых. Считается, что великовозрастный Алоис пожелал стать «законным», поскольку он рассчитывал получить небольшое наследство от человека, в доме которого прожил много лет, а именно от брата своего предполагаемого отца Иоганна Непомука Гюттлера.

Алоис Шикльгрубер, он же Гитлер, был трижды женат: первый раз на женщине, которая была старше его на четырнадцать лет. Брак оказался неудачным. Алоис ушел к другой женщине, на которой и женился после смерти первой жены. Но вскоре и она умерла от туберкулеза. В третий раз он женился на некоей Кларе Пельцль, которая была моложе мужа на двадцать три года. Для того чтобы оформить этот брак, пришлось испрашивать разрешения церковных властей, так как Клара Пельцль находилась, очевидно, в близком родстве с Алоисом. Как бы то ни было, Клара Пельцль стала матерью Адольфа Гитлера. Первый брак Алоиса был бездетным, от второго брака в живых осталось двое детей — Алоис и Ангела, от третьего тоже двое — будущий фюрер Германии и некая Паула, ничем не примечательная женщина, которая пережила своего брата. Всего у Алоиса Гитлера было семеро детей, из них один внебрачный и двое, родившихся сразу после заключения брака.

Адольф Гитлер был третьим по счету ребенком от третьего брака его отца.

Алоиса Гитлера, отца фюрера, в молодости отдали в ученье к сапожнику. Но он не пожелал шить башмаки и стал таможенным чиновником, т. е., по понятиям людей его круга, «выбился в люди». В 58 лет — сравнительно рано — Алоис вышел на пенсию. Он был непоседлив — все время менял места жительства, один городок на другой. Но в конце концов осел в Леондинге — пригороде Линца. Здесь на сонной улице в собственном домике с садом Алоис Гитлер дожил до самой смерти. Семья Гитлеров была недружная. И сам Адольф Гитлер крайне холодно относился к родственникам, в частности к родной сестре Пауле и единокровному брату Алоису. Этот брат, Алоис Гитлер, в 18 лет отсидел пять месяцев в тюрьме за воровство. Будучи выпущен на свободу, он через два года опять попался, на этот раз его посадили на восемь месяцев. В 1929 году, т. е. уже в то время, когда Адольф

Гитлер начал входить в силу, Алоиса судили за двоеженство. Потом он уехал в Англию, завел там новую семью, бросил ее и вернулся на родину. В фашистской Германии Алоис «остепенился», открыл в Берлине процветающий пивной бар, который охотно посещали нацистская братия и иностранные журналисты — последние потому, что надеялись выведать у Алоиса какие-нибудь подробности об Адольфе Гитлере. Но Алоис умел держать язык за зубами. Он, без сомнения, знал, что несколько друзей Адольфа Гитлера, которые оказали будущему фюреру услуги в начале его пути и проявили излишнюю болтливость, плохо кончили. Их без особого шума убрали эсэсовцы. По свидетельству иностранных корреспондентов, Алоис Гитлер был в тридцатых годах породным мужчиной, типичным немецким трактирщиком.

Единственный человек, к которому Гитлер питал родственные чувства, была его единокровная сестра Ангела Гитлер, по мужу Ангела Раубал. Когда Гитлер стал в Баварии влиятельным человеком, он выписал овдовевшую к тому времени Ангелу и сделал ее своей зкономкой. Ангела Раубал вела хозяйство холостяка Гитлера и в Мюнхене, и в его резиденции в Берхтесгадене, в Баварских Альпах. С дочерью Ангелы — тоже Ангелой (Гели) Раубал у Гитлера был роман.

Если верить книге Гитлера «Майн кампф», родители Гитлера хотели сделать из сына чиновника, а сам будущий фюрер мечтал стать свободным художником. В «Майн кампф» рассказывается о «трагическом конфликте», который возник на этой почве между жестоким отцом и несчастным сыном. Однако послевоенные биографы Гитлера без труда доказали, что миф о тирано-отце и многострадальном сыне не соответствует действительности. Отец Гитлера не был ни злодеем, ни деспотом: это был всего-навсего заурядный обыватель, которому удалось подняться на одну ступеньку выше своих родителей, выскочить из простых ремесленников в чиновники, в «пролетарии стоячего воротничка», как тогда называли в Германии мелких служащих, И Алоису Гитлеру хотелось дать своему сыну образование, несмотря на связанные с этим материальные жертвы. Но Гитлер, по всем данным, учился плохо. Одно реальное училище ему пришлось покинуть. Это было в Леондинге. Второе — в Линце — он также не сумел кончить.

На всю жизнь нацистский фюрер сохранил ненависть к интеллигенции, напал на образование как таковое и на людей образованных. Неуважение ко всякому умственному труду, в особенности в области общественных наук, в «третьем рейхе», без сомнения, связано и с тем, что во главе этого рейха стояли люди, «образовательный ценз» которых был на редкость низок по сравнению с любым другим буржуазным государством. Гитлер, в частности, презирал любые знания (исключая, пожалуй, знания в некоторых областях техники) и любой процесс познания, считая, что важны только конечные результаты этого процесса, чисто утилитарные выводы, из которых государство и фашистская партия могут извлечь сиюминутные выгоды.

В «Майн кампф» он называл педагогов «обезьянами» и «тупицами». «Их (учителей. — Авт.) единственная цель, — писал он, — была в том, чтобы забить нам головы и сделать из нас таких же ученых обезьян, какими были они сами». И еще много лет спустя, в 1942 году, в своей ставке Гитлер опять-таки не раз ругал гимназию, гимназические порядки, педагогов. Читая его высказывания о школе, не знаешь, чему больше удивляться: злопамятности нацистского фюрера или его невежеству. Вот некоторые образчики рассуждений Гитлера: «Зачем нужна парню, который хочет изучать музыку, геометрия, физика, химия? Что он будет помнить из этого потом? Ничего!» Или же: «Зачем учить два языка?.. Достаточно одного». Или же: «В общем, я выучил не больше десяти процентов того, что выучили другие». В предисловии к «Застольным беседам Гитлера» историк Перси Шрамм, который в свое время вел «дневник вооруженных сил» в ставке Гитлера, пишет, что особую ненависть Гитлер испытывал «к грязным социал-демократически настроенным народным учителям», «глупым и несамостоятельным умственным пролетариям». По словам Шрамма, Гитлер собирался заменить их уволенными в запас унтер-офицерами, поскольку те «чистоплотны и хорошо вымуштрованы на воспитание людей». Гитлер считал, что в школах надо избегать «преувеличенного образования — «массажа мозга», от которого «дети становятся дураками» и т. д.²

Впоследствии, живописуя тот период своей жизни, Адольф Гитлер создал две легенды, которые должны были обелить его учебные неудачи в глазах немецкого обывателя. Первая легенда

заклучалась в том, что, будучи подростком, он якобы заболел тяжелым легочным заболеванием. Именно этим Гитлер объяснил в «Майн кампф» свой уход из реального училища. Однако никаких данных о тяжелом и длительном недуге Гитлера не обнаружено.

Согласно второй легенде, распространявшейся будущим фюрером, после смерти отца семья Гитлеров впала в крайнюю бедность, из-за чего молодому Адольфу пришлось покинуть школу. Однако и эта легенда несостоятельна. Мать Гитлера получала приличную пенсию. Кроме того, как раз в 1905 году, когда Гитлер распростился со школой, мать продала дом в Леондинге за 10 тысяч крон, что представляло собой в те времена солидную сумму. Таким образом, семья Гитлеров и после смерти отца жила довольно-таки обеспеченно.

Бросив школу, Гитлер два с лишним года вел праздную жизнь — занимался немножко живописью, был завсегдатаем местного театра, сочинял стихи и даже брал уроки музыки. Причем стоило ему заинтересоваться игрой на рояле, как мать приобрела инструмент — еще одно доказательство того, что о нищете в доме Гитлеров не могло быть и речи. В те времена, как писал первый биограф Гитлера немецкий историк Конрад Хайден, «молодой Гитлер был почти элегантен», он носил «черную шляпу с широкими полями и неизменные черные лайковые перчатки, ходил с черной тростью, украшенной набалдашником из слоновой кости, в черном костюме, а зимой носил черное пальто на шелковой подкладке». Гитлера, замечает Хайден, «можно было назвать тогда избалованным буржуазным сыночком»... «Ко всякой работе ради «куска хлеба» он относился с презрением».

По свидетельству своих тогдашних знакомых, Гитлер без особого сожаления покинул провинциальный Линц. Ничто не привязывало его к этому городу: ни друзья, ни любимое дело. Любимого дела у Гитлера не было. А его единственным приятелем в ранней юности был сын обойщика по фамилии Кубичек, о котором уже говорилось выше. Как явствует из воспоминаний Кубичека, он обладал драгоценным для Гитлера свойством — умел выслушивать в полном безмолвии длинные тирады будущего фюрера.³

Но если в свое время Гитлер отнюдь не был привязан к городу Линцу, то много лет спустя, когда он стал господином над жиз-

нью и смертью миллионов людей, Линц все же приобрел славу «родного города фюрера».

Гитлер решил превратить Линц в город-музей, в памятник собственному величию. В годы войны он составлял грандиозные проекты переустройства города, велел изготовить чертежи новых гигантских зданий. На всех проектах Гитлера вообще и на линцских в частности был явный отпечаток мании величия. «Он мечтал строить залы на триста тысяч человек, — пишет Феликс Гросс, иностранный журналист, который жил в Германии в тридцатых годах и разговаривал с Гитлером, — мечтал о роскошных казармах и дикого вида ратушах». И далее: «Странным образом все его казармы походили на волшебные замки, а его замки были похожи на казармы».

Линц поистине мог стать городом-монстром, украсившись целыми кварталами замков-казарм. Однако реконструкция Линца, так же как и многие другие планы и проекты Гитлера (в том числе проект переименования Берлина как столицы великогерманской империи в «Германия»), остались только на бумаге, Единственное, что удалось в этой области совершить Гитлеру, — это посетить Линц в роли фюрера тридцать с лишним лет спустя после того, как он покинул его недоучившимся реалистом.

В 1906 году Гитлер впервые отправился в Вену, которая произвела на него большое впечатление. В 1907 году, после того как будущему фюреру исполнилось 18 лет и он получил причитающуюся ему долю отцовского наследства, Гитлер уехал в Вену на постоянное жительство, Он намеревался поступить там в академию художеств. Толстая пачка рисунков, которую он привез из Линца, казалась ему залогом будущих успехов. Однако в Вене Гитлера ожидало жестокое разочарование. Он провалился на экзаменах. В экзаменационном листе венской академии художеств за 1907 год написано: «Нижеследующие господа выполнили экзаменационные рисунки с неудовлетворительным результатом или же не были допущены к экзаменам... Адольф Гитлер, Браунау-на-Инне; 20 апреля 1889 года; немец, католик, отец — оберфискаль; оконч. 4 класса реального училища. Мало рисунков гипса. Экзаменационный рисунок — неудовлетворительно». Правда, ректор академии посоветовал Гитлеру поступить в архитектурное училище. Но когда Гитлер пошел туда, у него потребовали аттестат зрелости, который он так и не получил.

Экзамены в академию проходили осенью. А в декабре того же 1907 года в Леондинге умерла от рака груди мать Гитлера. Похоронив ее, Гитлер прожил до февраля 1908 года у своих родственников и только после этого окончательно переехал в Вену.

До 1913 года Гитлер жил в Вене.

* * *

Этот венский период Гитлер назвал в «Майн кампф» «несчастнейшим временем» своей жизни. Действительно, именно в Вене Гитлеру пришлось познакомиться с нуждой, именно в Вене его начали преследовать неудачи. В чем же причина этого? В «Майн кампф» Гитлер объясняет бедственное положение, в котором он очутился, тем, что он будто бы остался без гроша в кармане, буквально на улице. Но это было не совсем так. Мать Гитлера, несмотря на большие расходы, связанные с тяжелой болезнью, оставила детям 3000 крон. Кроме того, Адольфу и его сестре Пауле была назначена пенсия за отца в размере 50 крон в месяц до конца обучения. Часть этой пенсии Гитлеру обманным путем удалось получить, хотя он нигде не обучался. Словом, по подсчетам биографов Гитлера, он имел ежемесячно около 100 крон, не считая единовременных вспомоществований от своей тетки — сестры матери (в общей сложности Гитлер получил от тетки не менее 2000 крон). Разумеется, всех этих денег надолго хватить не могло, но с их помощью можно было стать на ноги, т. е. научиться какому-нибудь ремеслу, пристроиться к делу. Однако Гитлер не желал пойти по этому пути. Первые полгода он снимал меблированную комнату со своим приятелем Кубичеком. В эти полгода Гитлер жил барином, ходил в театр, спал до обеда. В сентябре 1908 года он попытался снова поступить в академию, но не был даже допущен к экзаменам. Правда, и сейчас дорога к высшему образованию все еще не была закрыта, так как в архитектурное училище «особо одаренных» в виде исключения принимали и без среднего образования. Но Гитлер даже не сделал попытки преодолеть этот барьер. Будущий фюрер медленно, но верно опускался на дно: денег становилось все меньше, меблированные номера, в которых он жил, — все более жалкими и обшарпанными. В «Майн кампф» Гитлер называет их «пещерами», но и на «пещеры» денег не хватало. В конце концов Гитлер перебрал-

ся на скамейки в парки, стал спать под мостами. Осень 1909 года застала будущего фюрера в так называемом убежище для людей, оставшихся без крова, т. е. в ночлежке в венском пригороде Майдлинге. В конце года он обосновался в другой ночлежке под названием «Мужской дом для бедных» на Мелдеман-штрассе на берегу Дуная. Там он жил до 1913 года. Первое время он перебивался случайными заработками: то убирал снег, то выбивал ковры, то носил чемоданы на Западном вокзале. Под конец своего пребывания в Вене Гитлер нашел себе более «престижное» занятие. Он начал рисовать на продажу картинки с изображением знаменитых венских архитектурных памятников. Свою продукцию он сбывал старьевщикам, продавцам рамок (рамки надо было чем-то заполнять) и мебельщикам, которые по тогдашней венской моде наклеивали пестрые картинки сзади на спинки недорогих диванов и кресел. Кроме того, Гитлер писал рекламные плакаты. Он сочинил, в частности, плакат «Присыпка от пота «Тедди», а также плакат «Покупайте свечи!», на котором был изображен святой Николай с пестрыми свечами в руках. И наконец, плакат с грудой кусков мыла на фоне башни собора св. Стефана. Этот дешевый товар Гитлер сбывал с помощью некоего Ганиша. Но вскоре он подал в суд на Ганиша, обвинив его в утайке части денег. На суде выяснилось, что Ганиш проживал по чужому паспорту, за что и получил неделю тюрьмы. Порвав с компаньоном, Гитлер начал продавать свои картинки самостоятельно.

Историк Конрад Хайден, написавший книгу о Гитлере уже в тридцатых годах и собравший показания людей, которые знали фюрера в годы его молодости, рисует примерный портрет Гитлера венских лет: «...потертый сюртук ниже колен, его подарил Гитлеру венский старьевщик, еврей по фамилии Нойман, такой же бродяга, как и все другие тогдашние товарищи Гитлера, обитатель ночлежки... Засаленный черный котелок — его Гитлер носил и зимой и летом, нечесанные космы, спадавшие на лоб, как в более поздние годы, и свисавшие сзади до самого воротника, обсыпанного перхотью... Худое голодное лицо. На щеках и подбородке черная щетина. Широко раскрытые глаза...»

Основываясь на «Майн кампф», большинство историков считает, что Гитлер сознательно не искал себе постоянной работы. Гитлер писал, что он боялся «погрузиться в старое, менее ува-

жаемое сословие», иными словами, в рабочее сословие. Очень возможно, что этот сын таможенного чиновника, зараженный мещанскими предрассудками, действительно предпочитал нищенствовать, дабы не стать пролетарием. В свое время отец Гитлера перешагнул Рубикон — из ремесленника вышел в «благородные», и Гитлер, видимо, не хотел перейти Рубикон в обратном направлении. Тем более, что в Вене в те годы классовые различия проявлялись куда острее, нежели в захолустных городишках, где будущий фюрер провел свое детство.

В «Майн кампф» Гитлер подробно и многословно рассказывал, как он занялся самообразованием в Вене. «Я читал тогда необычайно много и притом основательно... За несколько лет я, таким образом, создал основы знания, которыми я и сейчас еще питаюсь». Далее он сообщая, что выработал свой собственный метод чтения: «Однако я понимаю под чтением, видимо, нечто другое, чем большая часть наших так называемых интеллигентов». За этим следует длинная тирада, которая кончается так: «Искусство чтения, так же как и обучения, вот в чем: запоминать существенное, несущественное забывать, Только такое чтение вообще имеет смысл, и с этой точки зрения венский период был для меня особенно благотворен и важен».

По тем отрывочным данным, которыми мы располагаем, Гитлер читал в Вене много, но крайне беспорядочно. Читал книги по оккультизму, астрологии, зачитывался приключенческими романами Карла Мая и жадно поглощал бульварные венские журнальчики и брошюры, издаваемые различными реакционными организациями. На одном из этих журналов, а именно на антисемитском журнале под названием «Остара», который издавал один из проповедников расизма и антисемитизма в Австрии бывший монах Георг Ланц,⁴ он же Иорг Ланц фон Либемфельс, придется остановиться подробнее. Ибо бросается в глаза тождество высказываний Гитлера с теми «теориями», которые проповедовали венские расисты. Уже в грошовых брошюрах Ланца движущей силой истории объявлялась война между «белокурой расой господ», которую Ланц называл просто «хельдингами», от немецкого слева Held — герой, и прочими, неполноценными расами под названием «аффлинги», от немецкого слова Affe — обезьяна. Ланц призывал «хельдингов» сторониться «обезьяноподобных»,

дабы предотвратить смешанные браки. Он считал чудовищным «расовым позором» связь белокурых женщин «высших рас» с «недочеловеками» из породы «обезьяноподобных». Между прочим, Ланц рекомендовал представителям «высших рас» иметь много жен, не обращая внимания на церковную мораль. По теории Ланца, «хельдинги» должны были устраивать специальные питомники для выведения чистых арийцев.

На протяжении двенадцати лет нацисты пытались проводить в жизнь подобные теории. Гитлер был одержим идеей «улучшения расы» и давал в этой связи практические рекомендации, которые звучали ничуть не более грамотно, нежели рассуждения венских бульварных газетчиков.

В качестве примера приведем один из застольных монологов Гитлера в 1942 году, записанных Пикером. Речь в ставке Гитлера шла в тот день о курорте в Баварских Альпах, который фюрер превратил в 30-х годах в свою резиденцию. Естественно, что всю эту местность наводнили эсэсовцы из личной охраны Гитлера. Вот какой тирадой разразился Гитлер по этому поводу: «Заслуга лейбштандарта (эсэсовцев. — Авт.) в том, что сейчас в окрестностях бегают большое количество сильных и здоровых детей. Вообще необходимо, исходя из этого, посылать во все те места, где плох состав населения, элитные войсковые части, чтобы добиться освежения крови... Мазуры и Баварский лес надо обязательно занять когда-нибудь отборными войсками».

Характерно также (и это отмечали многие исследователи), что антисемитизм Гитлера и его главного специалиста по данному вопросу Юлиуса Штрейхера, издателя антисемитской газеты «Штюрмер», имел специфическую окраску, свойственную еще венским расистам начала века, а именно — сексуальную.⁵

И наконец, уже в грязных журнальчиках, издававшихся в Вене до 1914 года, намечена программа уничтожения «низших рас», взятая на вооружение Гитлером. Ланц предлагал стерилизовать «неарийцев», ввести для них принудительные работы, депортировать их в «пустыню шакалов» или в «обезьяньи леса».

Известно, что идеологи расизма всегда исполняют определенный социальный заказ. В тогдашней Вене, столице многонациональной габсбургской монархии, антисемитизм был необходим правящим классам как идеологическое оружие в борь-

бе против растущего самосознания масс, против возникавшего у них благородного чувства интернационализма, против единения трудящихся разных национальностей.

Показательно, что и в социал-демократических организациях, которые существовали в тогдашней Вене, Гитлера больше всего возмущала их приверженность интернационализму, единству трудящихся. В условиях Вены это означало, что социал-демократы австрийцы стремились бороться рука об руку с социал-демократами чехами, венграми, словаками. Вот что писал по этому поводу Гитлер в «Майн кампф»: «То, что меня больше всего отвращало от них (социал-демократов. — Авт.), была их враждебная позиция по отношению к борьбе за сохранение немецкого духа и отвратительные домогательства с целью достичь благоклонности славянских «товарищей».

Власть реакционных сил в Австро-Венгрии зиждилась на привилегиях, которыми издавна пользовались австрийские феодалы, крупные чиновники и богачи. В «теории» это выглядело так: хозяева Австро-Венгрии заявляли, что, согласно «естественным природным законам», общество представляет собой иерархическую пирамиду; вершину пирамиды образует «чистая раса», т. е. немцы,⁶ нижние этажи — чехи, словаки и, наконец, евреи.

Трудящиеся Австро-Венгрии, однако, отвергали иерархическую расовую пирамиду. Удар господству промышленников и капиталистов нанесло широкое демократическое движение в 1907 году, которое дало всем совершеннолетним мужчинам габсбургской монархии избирательное право. Для Гитлера все эти явления были признаком того, что государство «погружается в гнилое болото». Привилегии «расы господ» в Австро-Венгрии оказались в опасности. И Адольф Гитлер, который, как мы видели выше, ни за что не хотел расставаться со своими социальными привилегиями, предпочитая торговать жалкими картинками и жить в ночлежках, Гитлер с фанатическим пылом ринулся на защиту расовых привилегий немцев, которые они все больше теряли в габсбургской монархии начиная с революции 1848 года. Бедняк, рекламировавший присыпку от пота, цеплялся за «учение», доказывавшее превосходство его «крови», его «расы», предоставлявшее ему хотя бы чисто теоретически право господствовать, властвовать... Когда-то хозяева Австро-Венгрии бросили эту кость полу-

голодному Гитлеру. Впоследствии сам Гитлер бросил ту же кость своим подданным, которых он превратил в убойный скот, в рабов военной экономики. Посылая немецкого обывателя на фронт, он утешал его тем, что он-де выше поляка Шопена или еврея Эйнштейна, что в его жилах течет кровь «первого сорта» и что французы, чехи, русские «завидуют ему»... Наряду с расовой теорией в формировании гитлеровского мировоззрения большую роль сыграл германский национализм. Национализм в Вене представляла в те годы пангерманская партия. Лидером ее был Георг фон Шенерер, которого Гитлер называл «глубоким умом». Шенерер был воинствующим немецким националистом. Он ненавидел социализм и рабочий класс. Политическое кредо Шенерера заключалось в том, чтобы объединить всех немцев в одной империи. Габсбургскую монархию Шенерер презирал. Однако пангерманцы не имели успеха в Вене: откровенно антинародная и антисоциалистическая политика, которую они проводили, не пользовалась поддержкой широких масс. В довершение всего Шенерер был в ссоре с мощной католической церковью и тем самым, как писал потом Гитлер, «распылял силы».

Большое влияние на Гитлера и на его мировоззрение оказал также кумир австрийского мещанства — бургомистр Вены Карл Люгер. Люгер сумел сплотить венскую мелкую буржуазию в «ударный кулак». Этот политикан, который, как уверял Гитлер, был «самым сильным немецким бургомистром всех времен» и стал бы «одним из величайших умов» Германии, если бы он родился не в Вене, а в Берлине, и впрямь был своего рода классиком социальной демагогии. Он уже тогда додумался использовать для подавления трудящихся масс «чернь», «толпу», накопив общества. Люгер противопоставил лавочника пролетарию, люмпена — организованному рабочему, истерических недоучек — интеллигентам. Люгер был опытным демагогом и широко использовал популярные антикапиталистические лозунги, незаметно переиначивая их в своих целях. Первоисточником гитлеровских тирад, направленных против «монополий», против «эксплуатации», «спекулянтов» (и вообще всех тех, кто «не работает»), являлись не только труды Федера, первого теоретика национал-социалистской партии, о котором нам еще придется говорить далее, но и речи Люгера, мобилизовавшего венских мелких буржуа

против «капитала». Защищая интересы верхушки общества, Люгер в то же время широко пользовался антикапиталистической фразеологией, которая воодушевляла мещан, помогала им вообразить себя великими «революционерами». Демагогические формулы Люгера, к примеру «спекуляция равна преступным легким заработкам, равна прибыли без продуктов труда», Гитлер впоследствии широко использовал. Недаром он писал в «Майн кампф», что Люгер «понял ценность широко вещательной пропаганды и виртуозно воздействовал на инстинкты своих сторонников». Под руководством венского бургомистра Христианско-социальная партия стала в 1907 году сильнейшей партией австрийского парламента.

В «Майн кампф» Гитлер написал: «Вена была и осталась для меня самой тяжелой и основательной школой жизни... В это время у меня создалась картина мира и мировоззрение, которое стало гранитным фундаментом моих тогдашних действий. К тому, что я в те времена получил, мне пришлось лишь немного добавить, изменять я не должен был ничего».

Итак, «гранитный фундамент». Однако не надо преувеличивать значение книжной и прочей премудрости в создании этого фундамента. Конечно, и Люгер, и Ланц, и Шенерер, и другие реакционные деятели тогдашней Австро-Венгерской монархии внесли свою лепту в мировоззрение будущего фюрера. Но наибольшую роль в формировании его личности сыграла сама жизнь, непосредственное окружение. И здесь мы не можем не отметить, что исследователи, как правило, слишком бегло освещают так называемый «венский период» жизни Гитлера. Официальные биографы фюрера по понятным причинам не хотели привлекать к нему внимания. А историки, занимавшиеся Гитлером после 1945 года, то ли по недостатку материалов и живых свидетелей тех лет, то ли из чувства «пиетета» также говорят о нем только вскользь.

А между тем даже то, что мы знаем о жизни Гитлера в Вене абсолютно достоверно, дает богатейшую пищу для размышлений. Четыре года — немалый срок — Гитлер провел в ночлежках среди париев тогдашней Вены, в уголовном или, скажем, полууголовном мире. Его обществом были, очевидно, бродяги, мошенники, сутенеры, просто опустившиеся люди, «асоциальные» элементы, как их называли в «третьем рейхе». Гитлер делился